

Философский экспресс

Уроки жизни
от великих мыслителей

Эрик Вейнер

Эрик Вейнер

**Философский экспресс. Уроки
жизни от великих мыслителей**

«Альпина Диджитал»

2020

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Вейнер Э.

Философский экспресс. Уроки жизни от великих мыслителей /
Э. Вейнер — «Альпина Диджитал», 2020

ISBN 978-5-00-139572-0

Эрик Вейнер сочетает свое увлечение философией с любовью к кругосветным путешествиям, отправляясь в паломничество, которое поведает об удивительных уроках жизни от великих мыслителей со всего мира – от Руссо до Ницше, от Конфуция до Симоны Вейль. Путешествуя на поезде (способ перемещения, идеально подходящий для раздумий), он преодолевает тысячи километров, делая остановки в Афинах, Дели, Вайоминге, Кони-Айленде, Франкфурте, чтобы открыть для себя изначальное предназначение философии: научить нас вести более мудрую, более осмысленную жизнь. От Сократа и древних Афин до Симоны де Бовуар и Парижа XX века избранные автором философы и места становятся важными ориентирами в современном хаотичном мире. В «Философском экспрессе» Вейнер приглашает нас отправиться в путешествие за мудростью, в котором мы вместе попытаемся найти ответы на наши самые заветные вопросы.

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-00-139572-0

© Вейнер Э., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Введение	6
Часть первая	10
1.	10
2.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эрик Вейнер

Философский экспресс. Уроки ЖИЗНИ ОТ ВЕЛИКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Переводчик *Екатерина Луцкая*

Редактор *Николай Родосский*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Арт-директор *Ю. Буга*

Корректоры *О. Петрова, С. Чупахина*

Компьютерная верстка *О. Андреева*

Адаптация оригинальной обложки *Д. Изотов*

© Eric Weiner, 2020

The original publisher is Avid Reader Press, a division of Simon & Schuster, Inc.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Шэрон

Жизнь рано или поздно всех нас делает философами.

МОРИС РИСЛЕН

Введение

Отправляемся в путь

Мы ненасытны. Мы всё хватаем и хватаем, но нам по-прежнему мало. Чем больше хватаем – тем сильнее хотим.

Вот, например, смартфон. Потрясающая штука! Достаточно провести пальцем – и нам открываются все знания человечества, от Древнего Египта до квантовой физики. Но вот, поглотив очередную порцию информации, мы хотим еще. Что же это за неутолимый голод?

Мы не понимаем, чего на самом деле хотим. Нам кажется, что мы нуждаемся в информации и знаниях. Но это не так. Нам нужна мудрость. Это не одно и то же. Информация – это просто куча фактов, знание представляет собой «кучу» более организованную. Мудрость же распутывает клубки фактов, находит в них смысл и – что особенно важно – дает понять, как лучше всего их использовать. Как говорил британский музыкант Майлз Кингтон, «знание – это быть в курсе, что помидор – фрукт. Мудрость – это не класть его во фруктовый салат»¹. Знание знает. Мудрость видит.

Разница между знанием и мудростью не количественная, а качественная. Внушительный объем знаний совершенно не обязательно означает мудрость; вообще-то говоря, мудрости от этого может даже поубавиться. Бывает, что человек, зная слишком много, по сути ничего при этом не понимает.

Наши знания своего рода багаж – то, чем мы обладаем. Мудрость же – это принцип действия. Она представляет собой навык, ей, как и любому навыку, можно научиться. Но для этого надо потрудиться. Ожидать, что мудрость придет сама собой, все равно что рассчитывать случайно научиться играть на скрипке. Однако мы, как правило, именно этим и занимаемся. Спотыкаясь, бредем по жизни, надеясь то там, то здесь подобрать крупинцы мудрости, но при этом остаемся в замешательстве. Мы путаем срочное с важным, многословное с глубокомысленным, общепринятое с правильным. Как сказал один современный философ, мы «живем не туда»².

* * *

Я тоже ненасытен и подозреваю, что мой голод сильнее, чем у других. Причиной тому – неизбывная тоска, сопровождающая меня всю жизнь, сколько я себя помню. За годы я испробовал немало способов унять свою ненасытность: религия, психотерапия, книги по саморазвитию, путешествия; был даже эпизодический и не слишком успешный опыт с галлюциногенными грибами. Все это слегка утоляло мой голод, но ненадолго.

Как-то субботним утром я решил опуститься на самое дно – отправился в подвал. Там хранятся книги, которые вроде как не подходят для гостиной. И вот среди «трудов» с названиями типа «Все о кишечных газах» или «Личные финансы для чайников» мне попала «История философии» Уилла Дюранта 1926 года издания. Когда я раскрывал тяжеленный том, поднялось облачко пыли. Смахнув пыль, приступил к чтению.

Никаких невероятных откровений и прозрений в строках Дюранта не было, но я не мог оторваться. Дело заключалось не в самих идеях – скорее, в той страсти, с которой их излагал автор. Определенно Дюрانت был влюблен. Но в кого? Или во что?

Слово «философ» происходит от греческого φιλόσοφος и означает «любящий мудрость». Однако это определение ничего не говорит о том, как обрести мудрость, равно как и Деклара-

---

¹ Цит. по: Gyles Brandreth, ed., Oxford Dictionary of Humorous Quotations (Oxford, UK: Oxford University Press, 2013), 84.

² William Irvine, A Guide to the Good Life: The Ancient Art of Stoic Joy (New York: Oxford University Press, 2009), 13.

ция независимости не говорит о том, как добиться счастья. Вполне возможно любить что-то, чего нет и что совершенно недоступно. Важно само стремление.

* * *

Я пишу эти строки в дороге, где-то в Северной Каролине, а может, и в Южной – не знаю. Когда едешь в поезде, очень легко потерять счет как километрам, так и часам.

Люблю поезда, а точнее – люблю ездить на них. Я не из тех, кого охватывает восторг, скажем, при виде тепловоза SD45. Тоннаж, ширина колеи – все это мне абсолютно безразлично. Но мне нравится само ощущение от удивительного сочетания простора и уюта, которое дает только поезд, – словно возвращаешься в материнскую утробу. Приятная температура, мягкий свет. Поезд переносит меня в счастливое бессознательное состояние, в те времена, когда еще не надо было заполнять налоговую декларацию, откладывать деньги на обучение в колледже, лечение зубов и проездной. Когда еще не было даже семейства Кардашьян.

У моей тещи последняя стадия болезни Паркинсона. Тяжелый недуг отнимает у нее способности и память. Она многое забыла. Но свои детские путешествия на поезде по северу штата Нью-Йорк помнит прекрасно. Олбани, Корнинг, Рочестер – и обратно в Олбани. Картинки, звуки, запахи настолько живы в ее памяти, словно все это было вчера. Поезда остаются с нами навсегда.

А еще в поездах хорошо философствовать. В поезде я могу размышлять, в автобусе – нет. Совсем. Подозреваю, дело в разных ощущениях от поездки, а может, в ассоциациях: автобус навевает мысли о том, как в детстве ездил в нелюбимую школу и в ненавистные летние лагеря. А вот на поезде я ежу туда, куда сам хочу, причем со скоростью мысли.

При этом что философия, что поезда кажутся несколько замшелыми: когда-то и то и другое было важнейшей частью жизни людей, а теперь они стали старомодным пережитком. На поездах сегодня ездят лишь те, у кого нет другого выбора. Так же и философию изучают те, кого не смогли отговорить родители. Философия, как и поезда, была в ходу, пока люди не изобрели чего-то получше.

Я выписываю журнал под названием *Philosophy Now*. Он приходит раз в два месяца, в бумажном конверте из непрозрачной крафтовой бумаги, будто это порножурнал. Вот заголовки с обложки последнего номера: «Иллюзорен ли мир?», «Равно ли истинное истине?» Я прочел их жене – она закатила глаза. Для нее, как и для многих других, эти статьи – квинтэссенция всего плохого, что есть в философии, ведь в них ставятся абсурдные, лишённые ответов вопросы. Слова «философия» и «факты» соседствуют только в словаре.

Технологии соблазняют нас мыслью о том, будто философия больше не нужна. Зачем нужен Аристотель, если есть алгоритмы? Цифровые технологии успешно решают мелкие, повседневные задачи типа «где купить лучшее буррито в городе» или «самая короткая дорога на работу». И нам кажется, будто с «большими» задачами они тоже справятся без проблем. Но нет. Сири запросто найдет вам киоск с буррито, но спросите у нее, как получить от перекуса максимум удовольствия, и ответа не будет.

Или возьмем поездку на поезде. Технологии, а также их властительница наука назовут вам скорость поезда, его вес и массу, объяснят, почему постоянно пропадает вайфай в вагоне. Но наука не ответит, нужно ли ехать на этом самом поезде на встречу одноклассников или, скажем, к дядюшке Карлу, который вас всегда бесил, но сейчас тяжело заболел. Наука также не подскажет, этично ли будет стукнуть ребенка, который орет и пинает спинку вашего кресла. Наука не поможет понять, насколько прекрасен вид из окна вашего вагона. Философия тоже не в силах этого сделать (но это не точно), зато с ее помощью вы можете посмотреть на мир по-другому – и вот это очень ценно.

В местном книжном магазине раздел «Философия» расположен по соседству с разделом «Книги по саморазвитию». Будь в древних Афинах книжный, эти книги стояли бы на одной полке. Философия и была работой над собой. Философия помогала решать насущные вопросы. Философия лечила. Она была лекарством для души.

Философия помогает, но не так, как это делает массаж горячими камнями. Философия отнюдь не ленивая и приятная расслабуха. Это не спа-салон, а спортзал.

* * *

Французский философ Морис Мерло-Понти называл философию «радикальной рефлексией»³. В этом определении мне нравится намек на провокационность и элемент риска, которые определенно свойственны философии. Когда-то философы владели умами людей. Они были героями, были готовы умереть за свое учение, а некоторые, например Сократ, и в самом деле отдали свою жизнь. На сегодняшний день весь героизм философии сводится к самоотверженной борьбе ученых за преподавательские места в вузах.

Сегодня почти нигде не учат самой философии. Преподают историю философии, но непосредственно философствовать не обучают. Философия не похожа на другие учебные предметы: это не свод знаний, скорее образ мыслей, способ бытования в мире. Не «что» или «почему», но «как».

В наши дни никого не занимает это «как». В книжном мире руководства и пособия «для чайников» вызывают смущение, словно богатый, но неотесанный родственник. Серьезные писатели не пишут мануалы, серьезные читатели их не читают. (По крайней мере, не признаются в этом.) И все же большинство из нас не будет ночи напролет размышлять над абстрактными вопросами типа «Какова природа реальности?» или «Почему в мире есть нечто, но нет ничто?». Нам требуется именно руководство: вопрос «Как?», а точнее – «Как жить?», владеет нашими умами постоянно.

В отличие от науки, философия не свод ограничительных мер. Она не просто описывает мир таким, какой он есть, но и дает понять, каким он мог бы стать. Открывает нам глаза на имеющиеся возможности. Слова писателя Дэниела Клейна о древнегреческом философе Эпикуре применимы и ко всем хорошим мыслителям: читать их сочинения следует не как философию, а скорее как «воодушевляющую поэзию»⁴.

Последние несколько лет я посвятил тому, чтобы медленно, со скоростью мысли, уютно устроившись у окна в поезде, впитывать в себя эту поэзию. Я ездил на поезде всегда и везде, когда это было возможно. Я побывал там, где доводилось размышлять величайшим философам человечества. Я отважился посетить «Лагерь стойков» в Вайоминге, бросал вызов бюрократии, опутавшей железные дороги в Дели. Я катался по линии F нью-йоркского метро дольше, чем советует здравый смысл. Все эти поездки были для меня целительной передышкой, возможностью размять ноги и разум перед новым философским рывком. Лучшей паузы нельзя было и желать.

* * *

Наберите в поисковике «философы» – вы увидите сотни, а то и тысячи результатов. Для книги я выбрал четырнадцать мыслителей. Выбирал с умом. Все эти люди мудры, хотя и каждый по-своему. Разные мыслители – разные грани мудрости. Жили они в очень разное время –

---

³ Maurice Merleau-Ponty, *The Phenomenology of Perception*, trans. Donald Landes (New York: Routledge, 2012), xxxv.

⁴ Daniel Klein, предисл. к кн. *Epicurus: The Ancient Art of Stoic Joy* (New York: Penguin, 2012), viii – ix.

Сократ в V веке до нашей эры, Симона де Бовуар в XX веке – и в разных местах, от Греции до Китая, от Германии до Индии. Все четырнадцать уже ушли в мир иной, но хорошие философы до конца не умирают – они продолжают жить в умах других. Мудрость, которая всегда с тобой. Ей не помеха время и пространство, она никогда не устаревает.

В моем списке много европейцев, но не они одни – у Запада нет монополии на мудрость. Некоторые из моих философов, к примеру Ницше, были исключительно плодотворны. Другие, скажем Сократ и Эпиктет, не написали вообще ни единого слова. (Хорошо, что у них были ученики!) Некоторым удалось добиться великой славы при жизни. Другие умерли безвестными. Одних знают именно как философов, других (вроде Ганди), пожалуй, нет. (Тем не менее он был им.) Возможно, некоторые имена, скажем японской куртизанки и писательницы Сэй-Сёнагон, вы и вовсе никогда не слышали. Ничего страшного. В конечном итоге вот главный мой критерий: любили ли эти мыслители мудрость? И заразительна ли оказалась их любовь?

Обычно мы представляем себе философов эдакими головами на ножках. Моя компания не из таких. Это были вполне реальные, активные люди. Они бродили по дорогам, ездили на лошадях. Сражались в битвах, пили вино, предавались любви. И все до одного – и до одной – были философами-практиками. Их интересовал не смысл жизни, но осмысленная жизнь.

Они не были идеальными. У каждого можно найти свои странности. Сократ впадал в ступор, порой на несколько часов. Руссо неоднократно оголял на публике ягодички. Шопенгауэр беседовал со своим пуделем. (О Ницше даже начинать не будем.) Ну и что? Мудрость нечасто облачена в идеальный костюм от «Брукс Бразерс» (хотя все может быть).

Мудрость нужна нам всегда, но на разных этапах жизни – разная. В 15, 35 и 75 лет человеку требуются не одни и те же наставления. Философии есть что предложить в каждом из этих случаев.

Жизнь, как я все четче осознаю, пронесется мимо со свистом. Слишком часто люди передвигаются по ней вприпрыжку, забивая себе голову ерундой и глупостями, словно у нас впереди вечность. Но это не так, по крайней мере в моем случае. Я склонен называть себя человеком средних лет. Моя дочь-подросток, у которой пятерка по математике, недавно заметила, что, если только я не собираюсь жить до 110 лет, мой *средний* возраст уже позади.

Так что, хоть я и пишу эти слова в неторопливо катящемся поезде, некое чувство все же торопит мое перо. Это поспешность человека, не желающего умереть, так и не пожив. Дело не в каком-то отдельном кризисе – будь то угроза здоровью или финансовые неурядицы. Никакой голливудской драмы, просто куча раздражающих мелочей, разочарований, досадного подозрения, что я живу свою жизнь как-то не так. Не могу сказать, что жизнь меня тяготит, и все же я с каждым днем все сильнее чувствую кожей дыхание времени. Я хочу... нет, не так: мне необходимо знать, что важно, а что нет, пока не стало слишком поздно.

«Жизнь рано или поздно всех нас делает философами», – заметил французский мыслитель Морис Рислен⁵.

«Чего же я жду?» – думаю я, читая эту фразу. Какой-то особой задачки от жизни? Пусть делает из меня философа прямо сейчас, сегодня. Пока еще есть время.

---

⁵ Robert Solomon, *The Joy of Philosophy: Thinking Thin versus The Passionate Life* (New York: Oxford University Press, 1999), 10.

Часть первая Рассвет

1.

Вставать с постели, как Марк Аврелий

Время: 7 часов 7 минут. Просторы Северной Дакоты. Поезд «Эмпайр Билдер» компании «Амтрак», следующий из Чикаго в Портленд, штат Орегон.

Мое купе озаряют косые утренние лучи. Был бы рад сказать, что они бережно будят меня, но, собственно, я и так не сплю. Голову будто прокрутили в сушильной машине. От висков по всему телу расходится тупая боль. Мозг словно погружен в ядовитый туман. Тело неподвижно, но далеко не расслабленно.

По части отношения ко сну люди придерживаются противоположных мнений: для одних это досадный, откровенно малоприятный перерыв в процессе жизнедеятельности, для других – одно из чистейших удовольствий, дарованных нам жизнью. Я из вторых. Железных правил у меня немного, и одно из них гласит: не мешайте мне спать. «Амтрак» помешал, и я этим недоволен.

Взаимосвязь между сном и поездом, как любые отношения, дело непростое. Конечно, мерное покачивание меня постепенно убаюкало, но мой ночной покой не раз грубо нарушали Боковой Крен, Внезапный Толчок и Набегающая Волна.

Солнце выдергивает меня из сна с деликатностью инструктора по строевой подготовке. Ночью наши демоны оставляют нас в покое, а наутро возвращаются снова. В момент пробуждения мы уязвимы как никогда: ведь в очередной раз приходится вспомнить, кто мы такие и как сюда попали.

Я переворачиваюсь на другой бок, натягивая на себя голубое амтраковское одеяло. Можно было бы, конечно, и встать – да, конечно, можно, но зачем?

* * *

– Всем доброе утро!

Я было уже задремал, и тут меня снова будят. И не Боковой Крен или Набегающая Волна, а человеческий голос. Звонкий и бодрый.

Это еще кто?

– Я мисс Оливер из вагона-ресторана. Мы уже открыты и ждем ваших заказов. Но чтобы мисс Оливер принесла вам заказ, пожалуйста, обуйтесь, наденьте рубашку – и улыбнитесь!

Господи боже ты мой, все – больше мне не уснуть. Лезу в рюкзак, чтобы нащупать книгу, стараясь не сбить одеяло. Вот она. «Размышления» Марка Аврелия. Тоненькая – не больше 150 страниц, с широкими полями. На суперобложке – рельефное изображение мускулистого бородача на коне. Он излучает спокойную силу человека, которому не надо ничего доказывать.

Римский император Марк Аврелий командовал почти полумиллионной армией и правил империей, где жила пятая часть населения всего мира, простиравшейся от Англии до Египта,

от Атлантики до берегов реки Тигр. Но утро – утро Марк (мы с ним на «ты») не любил. Он вечно валялся в постели, почти все дела откладывая на дневное время (после того как вздремнет). Такой режим дня отличал его от большинства других римлян, встававших до зари. Сонные дети брели по римским улицам в школу в предрассветных сумерках. Марк, человек благородного происхождения, получил домашнее образование. Он мог позволить себе выспаться. Чем всю жизнь и пользовался.

В принципе, у нас с Марком не особо много общего. Нас разделяют века, не говоря уж об изрядных сословных различиях. Марк управлял империей размером чуть ли не в половину континентальной части США. Под моим началом – примерно половина площади моего рабочего стола, что, по правде говоря, и так стоит мне немалых усилий. Я решительно подавляю восстания непокорных визитных карточек, квитанций о подписке на журналы, кошачьей шерсти, трехдневных бутербродов с тунцом, собственно кота, буддийских безделушек, кофейных чашек, старых выпусков журнала *Philosophy Now*, собаки, налоговых бланков, еще раз кота и, что особенно странно, учитывая, что до ближайшей линии моря от меня 240 километров, – песка.

Но я читаю Марка – и различия между нами стираются. Мы с Марком братья. Он правил империей и боролся со своими демонами – я кормлю кота и сражаюсь со своими. Враг у нас общий⁶. Это утро.

Утро задает тон всему дню. Плохое утро – плохой день. Не обязательно, но обычно именно так и бывает. Когда ворочаешься под одеялом серым промозглым утром понедельника, никакие заслуги и привилегии ничем тебе не помогут. Ничего не стоит и богатство, столь ценное в иные моменты. Можно сказать, что достаток вместе с пуховым одеялом норовят удерживать нас в лежачем положении.

Утро – источник сильных, противоречивых эмоций. С одной стороны, в это время ощущаешь аромат надежды. Каждый рассвет – это рождение заново. Слоган предвыборной кампании Рональда Рейгана не звучал как «после обеда в Америке» – именно обещание «утра в Америке» стало для него билетом в Белый дом. Не бывает и никаких «овечерений» – только озарения.

Между тем для некоторых из нас утро – синоним вялотекущей тоски. Если вы недовольны жизнью, то, скорее всего, вы не любите и утро. В несчастливой жизни оно вроде начала третьей части «Мальчишника». Вы заранее ощущаете во рту вкус неотвратимой мерзости бытия.

Утро – это момент перехода, а переход легким не бывает. Мы покидаем одно состояние сознания – сон – и переходим в другое – бодрствование. Говоря языком географии, утро – это приграничный кордон сознания. Тихуана⁷ нашей души. Странное местечко, пронизанное смутным чувством опасности.

Философы относились к утру по-разному – так же как и ко всему прочему. Ницше просыпался на закате, умывался холодной водой, выпивал стакан теплого молока и работал до одиннадцати утра. На фоне Иммануила Канта он смотрится конченным халявщиком. Сам Кант вставал в пять утра, когда кёнигсбергское небо было еще черным-черно, выпивал чашку некрепкого чая, выкуривал трубочку – одну, не больше – и брался за работу. Блаженной памяти Симона де Бовуар пробуждалась в десять утра и подолгу медлила над чашечкой эспрессо. Марку же, увы, такая роскошь была недоступна: он родился за 1200 лет до изобретения кофе.

---

⁶ И Марк, и я – последователи португальского поэта Фернанду Пессоа. «Суть моих желаний проста: проспять всю жизнь» – так писал он. *The Book of Disquiet*, trans. Richard Zenith (New York: Penguin, 2002), 428.

⁷ Город на границе США и Мексики. – *Прим. ред.*

* * *

По словам французского писателя-экзистенциалиста Альбера Камю, самоубийство – единственная «по-настоящему серьезная философская проблема»⁸. Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить? Все прочее лишь метафизическая трескотня. Говоря проще: нет философа – нет и философии.

Предположение Камю вполне логично, но, по-моему, несовершенно. Если вы пробились сквозь его самоубийственный вопрос и решили, что да, жить – это хорошо (то есть хорошо *на данный момент*; экзистенциальные вопросы никогда не обретают окончательного ответа), перед вами встает вопрос следующий, еще более мучительный: а вставать с постели надо? Вот она, единственная, на мой взгляд, по-настоящему серьезная философская проблема. Если некая доктрина не способна вытащить человека из-под одеяла, зачем она вообще нужна?

Подобно всем великим вопросам, Великий Постельный Вопрос на самом деле скрывает в себе несколько других. Прочь одеяло – изучим его подробно. На первом уровне мы задаемся вопросом: *могу ли я* встать с постели. Если вы не инвалид, ответ утвердительный: да, могу. Помимо этого, мы спрашиваем: имеет ли смысл вылезать из кровати, и наконец: *следует ли* нам вставать. Вот тут начинаются сложности.

Шотландский философ Дэвид Юм⁹ много размышлял над подобными вопросами, хотя, как правило, и не в постели. Для него существовало два измерения: то, что «есть», и то, что «должно». «Есть» связано с наблюдением. Мы безоценочно наблюдаем эмпирическую пользу вставания с постели: например, кровь начинает двигаться быстрее, увеличиваются шансы заработать денег.

Компонент же «должно» связан с моральной оценкой, то есть не в чем преимущества вставания с постели, а почему мы должны так поступить. По мнению Юма, мы слишком быстро переходим от «есть» к «должно». Моральное «должно» никогда не проистекает непосредственно из фактического «есть». (Именно поэтому проблему «есть/должно» называют также «гильотиной Юма»: он отсекает одно от другого и настаивает на том, что их должно нечто разделять.) Растрата денег работодателя *есть* возможная причина неприятных последствий, поэтому *должно* воздерживаться от растраты.

Вовсе не обязательно так, говорит нам Юм. Нельзя перейти от констатации факта к этической максиме. Вполне вероятно, что вставать – полезно для здоровья и благоденствия, но это не значит, что мы «должны» это делать. Может, нам ни к чему усиленный кровоток и хороший заработок. Может, нам и так нормально, под одеялом. Вот это противное «должны», полагаю, и объясняет весь наш дискомфорт. Мы чувствуем, что должны вставать, а если не встаем – значит, с нами что-то не так.

Встать или не встать, вот в чем вопрос. Пока лежишь под теплым одеялом, в голове происходит напряженный спор, под стать сократовскому диалогу или ток-шоу на кабельном телевидении. С теми, кто подначивает «не вставать», спорить трудно. В постели тепло и уютно – не как в материнской утробе, но близко. Под одеялом жизнь хороша, а ведь не кто иной, как Аристотель, говорил, что хорошая жизнь – это самоцель. А снаружи холодно. И происходит всякая дрянь. Войны. Эпидемии. Поп-музыка.

Казалось бы, за позицией «не вставать» – уверенная победа. Но в философии не бывает однозначных ответов: всегда найдется некое «но». На этом коротеньком слове возведены целые философские системы, когнитивные сверхструктуры, грандиозные мысленные построения.

---

⁸ Камю о самоубийстве: Albert Camus, *The Myth of Sisyphus and Other Essays*, trans. Justin O'Brien (New York: Vintage, 1983), 3.

⁹ David Hume, *A Treatise of Human Nature* (New York: Penguin, 1985), Book III, Part I.

Жизнь манит нас к себе. Срок, отпущенный нам на этой планете, так невозможно короток. Мы правда готовы провести его в лежачем положении? Нет, не готовы. Без сомнений, сила жизни, пульсирующая в наших усталых жилах, достаточна, чтобы заставить мужчину средних лет, не тучного, но упитанного, покинуть постель. Правда ведь?

И подобные пододеяльные диспуты в той или иной форме начались с тех самых пор, как люди изобрели одеяла и научились ими укрываться. Со времен римлян мы добились немалых успехов, но так и не решили Великий Постельный Вопрос. От него никто не застрахован. Президент или бедняк, шеф-повар или бариста из «Старбакса», римский император или писатель со слабыми нервишками – все мы подвластны одним и тем же законам инерции. Все мы – покоящиеся тела в ожидании воздействия внешней силы.

* * *

Я закрываю глаза и вижу Марка так же ясно, как вчерашний стаканчик из-под кофе, прибившийся к краю моего узкого ложа. Я представляю, как Марк устроился под одеялом в своем личном шатре в составе римского лагеря на берегах реки Грон – притока Дуная. День, я чувствую, стоит холодный и сырой, настроение у Марка дурное. Война идет наперекосяк. Германцы подкараулили в засаде римских снабженцев. Боевой дух войск Марка упал ниже некуда, и их сложно в этом упрекнуть. Больше полусотни тысяч римских солдат убито.

Не сомневаюсь, что Марк тосковал по Риму. Особенно по жене Фаустине – любящей, хоть и не всегда верной. Прошрое десятилетие выдалось нелегким – императору досаждали не только германские племена, но и неудавшееся восстание коварного Кассия. А еще дети: Фаустина выносила не меньше тринадцати, но из них больше половины умерли в младенчестве.

Марк был философом на троне – таких нечасто встретишь. Что же заставило самого могущественного человека в мире изучать философию? Он же император – может делать что захочет. Зачем же он изыскивал в своем плотном графике время на то, чтобы читать классиков и задавать себе нерешаемые вопросы?

Возможно, ответ кроется в юных годах Марка. Детство его было счастливым – чем могли и до сих пор могут похвастаться столь немногие. Он любил читать и книгу предпочитал походу в цирк. Такие, как он, среди римских школьников были в меньшинстве.

Позже, когда Марк был без ума от греческих философов¹⁰, он порой спал на голой земле, укрывшись одним лишь плащом-паллиумом – потертым одеянием философов, пока мать не начинала браниться, требуя, чтобы он оставил «эти глупости» и спал в нормальной постели.

К греческой философии римляне относились примерно так, как большинство из нас воспринимает оперу: это что-то безусловно ценное и красивое и, конечно, надо бы почаще ходить туда, но как-то там все так чертовски сложно, да и времени вечно нет. Идея философии нравилась римлянам больше, чем сама философия. Поэтому Марк, будучи подлинным философом, вызывал подозрения. Люди шептались за его спиной, хоть он и был их правителем.

Императором Марк стал по воле случая. Это не было работой его мечты. Действия одного из его предшественников, Адриана, в итоге привели Марка на трон в 161 году нашей эры. Ему было сорок.

И первое время – полгода, если быть точным, – все шло великолепно. А потом понеслось: катастрофическое наводнение, чума и вторжения захватчиков. Не считая войн с ними, крови на руках у Марка было немного. Вот живое доказательство того, что абсолютная власть совсем не обязательно развращает абсолютно. Раз за разом Марк выносил снисходительные приговоры дезертирам и прочим нарушителям закона. Когда в империи разразился финансовый кризис, он предпочел распродавать одежды, кубки, статуи, картины – но не повышать налоги.

---

¹⁰ Frank McLynn, *Marcus Aurelius: A Life* (Cambridge, MA: Da Capo Press, 2009), 21.

Особенно трогательным мне кажется его указ, согласно которому все уличные канатоходцы – часто это были совсем молодые ребята – должны были во время представлений стелить под канатом толстый упругий матрас.

Марк демонстрировал примерное мужество в битвах, но, как утверждает его биограф Фрэнк Маклинн, самым блестящим его подвигом можно назвать «непрерывную борьбу с собственным врожденным пессимизмом»¹¹. Как про меня сказано. Я тоже вечно сражаюсь с силами негатива, то и дело замышляющими перетянуть меня на свою сторону. Для нас, несостоявшихся оптимистов, наполовину пустой стакан – это все же лучше, чем вовсе никакого стакана или если стакан разбился на тысячу осколков и один из них пропорол вам артерию. Все зависит от угла зрения.

У Марка были проблемы со сном. Он страдал от непонятных болей в груди и животе. Его врач – заносчивый, но искусный в своем деле человек по имени Гален – в качестве снотворного назначал ему мнимое универсальное противоядие – териак, вероятно с добавлением опия¹².

Как и я, Марк старался стать «жаворонком». Но между настоящими «жаворонками» и желающими ими стать – большая разница. Сейчас, когда я лежу под теплым амтраковским одеялом, ощущая мерное покачивание поезда, эта разница разрастается до размеров пропасти.

Вы скажете, что может быть проще? Ставим одну ногу на пол, потом другую. Переводим тело в вертикальное положение. Но я не могу подняться вертикально. Даже диагонально не могу. Что со мной не так? Марк, выручай.

* * *

«Размышления» не похожи на другие книги, что я читал. Это даже не совсем книга, скорее – персональный органайзер. Собрание напоминаний и мотивирующих речей. Этаким римские «напоминалки» на холодильнике. Больше всего на свете Марк Аврелий боялся не умереть, а забыть нужное. Он постоянно напоминает себе о том, что надо жить по полной. Публиковать свои «напоминалки» Марк Аврелий не собирался: он писал их для себя¹³. Читая книгу, я словно подсматриваю и подслушиваю за императором.

И мне нравится то, что я узнаю. Я ценю его честность. Уважаю то, что он предстает на страницах книги таким, какой есть, со своими страхами и уязвимостями. Самый могущественный человек мира жалуется на бессонницу и панические атаки, а также говорит, что любовник из него в лучшем случае сносный. («Бросил семя в лоно и отошел» – так он описывает акт физической любви.) Марк всегда исходил из утверждения стоиков о том, что всякая философия начинается с понимания собственной слабости.

Он не строит грандиозных философских систем, достойных изучения многими поколениями усердных студизусов. Его философия сродни лечению, причем и врачом, и больным предстает сам Марк. Как сказал переводчик Грегори Хейс, «Размышления» – это «в самом буквальном смысле книга по саморазвитию»¹⁴.

Вновь и вновь Марк призывает себя прекратить думать и начать действовать. Хватит описывать, каким должен быть хороший человек. Будь им. Разница между философией и разговорами о ней – как разница между винопитием и беседами о вине. Один глоток хорошего пино нуар расскажет о вине больше, чем многие годы усердного изучения энологии – науки о виноделии.

---

¹¹ Там же, 251.

¹² Среди исследователей нет единогласного мнения о том, не принимал ли Марк опий. Возможно, у него даже была аддикция. См.: Thomas Africa, «The Opium Addiction of Marcus Aurelius», *Journal of the History of Ideas* 22, no. 1 (1961): 97–102.

¹³ Название книги точнее было бы перевести не «Размышления», а «К самому себе».

¹⁴ Gregory Hays, пред. к кн. *Marcus Aurelius, Meditations* (New York: Penguin, 2002), xxxvii.

Идеи Марка не так просто воплотить в жизнь. Ни с одним философом так не бывает. Он был стоиком, но не ограничивался стоической философией. Близки ему были и другие – Гераклит, Сократ, Платон, киники и эпикурейцы. Подобно всем великим философам, Марк скрупулезно изыскивал жемчужины мудрости. Неважно, откуда взялась мысль, важно, насколько она ценна.

Читая «Размышления», становишься свидетелем того, как философия разворачивается в реальном времени. Марк словно ведет прямую трансляцию собственных мыслей, без всякой редакции. Я наблюдаю, как «некто учит себя быть человеком»¹⁵ – так охарактеризовал книгу Марка Аврелия исследователь античной философии Пьер Адо.

Сразу несколько «Размышлений» начинаются словами: «Поутру, когда медлишь вставать...» Я читаю дальше и вдруг понимаю, что между строк эта книга во многом – исследование Великого Постельного Вопросы. Не только как встать с постели, но *зачем вообще напрягаться?* Практически вопрос Камю о самоубийстве, завернутый в мягкое пуховое одеяльце. Марк мечется между противоположными мнениями и спорит сам с собой.

– На что мне жаловаться, если я собираюсь делать то, для чего создан?

– А если оставаться в теплой постели – это и есть то, для чего я создан?

– Так ведь сладко это.

– А ты, значит, родился для того, чтобы сладко было? И ничуть не для того, чтобы трудиться и действовать?

Бесконечны его метания. Настоящий Гамлет одеяла и подушки. Он знает, что его ждут великие дела и великие мысли.

Выбраться бы только из постели.

* * *

– До-о-о-оброе утро, пассажиры! Ку-ку! Я вас вижу! Мы открыты и ждем ваших заказов!

Мисс Оливер снова здесь, лучится еще более раздражающей жизнерадостностью.

Ну все. Теперь точно встаю. Вот прямо сейчас. Я рассматриваю кофейный стаканчик: оказывается, он испещрен мудростями от «Амтрака». «Взгляни на мир по-новому!» – с одной стороны; «Попробуй на вкус лучший из миров!» – с другой. Не слишком удачные формулировки, что уж там, но есть в этой детской простоте что-то умиляющее.

Моя 13-летняя дочь Соня не меньше моего любит поспать. «Я идентифицирую себя как человека ленивого», – заявила она как-то раз. Чтобы вытащить ее из постели утром в будний день, ресурсов требуется не меньше, чем потребовала когда-то высадка союзников в Нормандии. А вот по выходным и когда идет снег, она вспархивает, словно бабочка, без всякой посторонней помощи. Как-то я спросил ее, в чем причина такой разницы, и она философски объяснила: «Вставать хочется, когда собираешься что-то делать, а не просто потому, что звонит будильник».

Она права. В борьбе за то, чтобы встать с постели, мой противник не сама постель и даже не ожидающий меня внешний мир. Я борюсь с собственными представлениями. Лежа под одеялом, я воображаю себе враждебный мир, желающий со мной разделаться. Так, должно быть, происходило и с Марком. В его мире, собственно, и в самом деле были племена варваров, чума и дворцовые перевороты. Но любые препятствия относительно. Кого-то страшит бардак на рабочем столе, кого-то – нападение бандитов.

Главная проблема, пожалуй, в других людях. Здесь французский философ Жан-Поль Сартр, заявивший, что «ад – это другие», зашел дальше Марка, хотя и не намного: «С утра

---

¹⁵ Pierre Hadot, *Philosophy as a Way of Life* (Oxford, UK: Blackwell), 251.

говорить себе наперед: встречусь с суетным, с неблагодарным, дерзким, с хитрецом, с алчным, необщественным». Со времен Марка жизнь мало изменилась.

Сам он предлагал, сталкиваясь с неприятными людьми, не давать им власти, лишать контроля над вашей жизнью. Другие не могут ничего вам сделать, ведь «в чужом уме твоей беды нет». Разумеется. Какое мне дело, о чем думают другие, если мыслительный процесс по определению протекает у *них* в головах, а не у меня?

Я всегда подозревал, что основа моей неспособности встать с постели – скрытая, не вполне осознанная ненависть к себе. Марк храбрее меня: он это признает. «Не любишь ты себя, иначе любил бы и свою природу, и волю ее», – говорит он, а через пару страниц снова поддается этому порыву и почти достигает сочувствия к самому себе: «Хватит этой жалкой жизни, ворчанья, обезьянства. <...> Ты... предпочитаешь завтра стать хорошим, а не сегодня быть». Самые безжалостные колкости он приберег для эгоизма, который находил в себе: «Нежась в постели, как сейчас, я думаю только о себе». То есть в конечном итоге быть под одеялом означает для него быть эгоистом.

Это и заставляет Марка двигаться. Встать – его долг. Долг, но не обязанность. Поскольку это разные вещи: долг произрастает изнутри, обязательства привносятся снаружи. Действуя из чувства долга, мы делаем что-то добровольно, чтобы подняться выше и поднять других. Смысл обязанностей – защитить себя (и только себя) от неприятных последствий.

Марк понимал эту разницу, но, как всегда, ему нужно было себе о ней напомнить: «Потру, когда медлишь вставать, пусть под рукой будет, что просыпаюсь на человеческое дело». Не стоическое, не императорское, даже не римское – просто человеческое.

* * *

– Здрасьте-здрасьте! С вами мисс Оливер. Напоминаю: вагон-ресторан открыт! Буду рада видеть всех вас! До встречи!

Ну все. Вот теперь точно встаю.

Откидываю амтраковское одеяло – оно легко повинуется. Сажусь. И чего, спрашивается, я так долго ныл и маялся? Сушая ерунда!

Я уже готов праздновать свою маленькую, но убедительную победу над гравитацией, как вдруг – Боковой Крен (а может, Внезапный Толчок, точно не понял) – я теряю равновесие и снова оказываюсь в постели.

Вот оно, коварство Великого Постельного Вопросы. На него не получится ответить раз и навсегда. Это как с походами в тренажерный зал или родительскими обязанностями: пересиливать себя придется постоянно.

– Ку-ку! Леди и джентльмены, с вами снова мисс Оливер!

Заворачиваюсь в одеяло. Еще пять минут, говорю я себе. Пять минуточек – и все.

2.

Удивляться, как Сократ

Время: 10 часов 47 минут. Поезд № 1311, следующий из Кьятона в Афины.

Колеса стучат, мысли бегут¹⁶ – избитый образ, но хороший. Все наши мысли связаны между собой, как вагоны товарного поезда. В движении вперед они зависят друг от друга. Каждую мысль, будь то о мороженом или ядерных реакциях, тянет за собой предыдущая и подталкивает следующая.

И чувства тоже подобны железнодорожным составам. Мои периодические приступы меланхолии появляются словно из ниоткуда, но, если вдуматься и проанализировать их природу, обнаруживаешь скрытую закономерность. Печаль приходит вслед за какой-то другой мыслью или чувством, их запускает нечто третье, а первопричина всему – какая-то фраза, оброненная мамой в 1982 году. Чувства, как и мысли, никогда не возникают без причины. Всегда есть некий локомотив, влекущий их за собой.

Я заказываю кофе с булочкой, и поезд моих мыслей замедляет ход. Я не думаю и не чувствую. Не в том смысле, что я впадаю в какой-то ступор: просто не чувствую ни радости, ни грусти, ни других промежуточных эмоций из этого диапазона. Я пуст – в хорошем смысле слова. Меня убаюкивает легкое покачивание поезда – это тебе не тряска в «Амтраке», – я попиваю кофе и наслаждаюсь не только его вкусом, но и ощущением от теплой, приятно увесистой чашки в моей руке. И тревоги временно покидают меня. Я смотрю на красные крыши домов и синеву Ионического моря, и кажется, что это не я, а они проносятся мимо. Смотрю в окно просто так, не фокусируя взгляд, с любопытством и интересом.

Интерес. Такое простое слово, а ведь в нем – зерно всей философии мира, и не только ее. Все великие открытия и личные достижения начались со слов «А вот интересно...».

* * *

Очень редко, всего раз-другой за всю жизнь, если повезет, вам встречается фраза столь неожиданная, столь исполненная смысла, что по спине пробегает холодок. Мне такая фраза попала в странной книжечке под названием «Сердце философии», автор – Джейкоб Нидлмен. Странной – потому что в то время я не знал, что у философии есть сердце. Мне казалось, в ней все от головы.

Вот она, эта фраза: «Наша культура склонна решать задачи, не проживая вопросы»¹⁷.

Я отложил книгу и повторил про себя прочитанное. Я понимал, что в этих словах заключена важная истина, но в чем она, мне не было ясно. Я был озадачен: как это – проживать вопросы? И что плохого в том, чтобы решать проблемы?

---

¹⁶ Когда-то я считал, что английское выражение *train of thought* – буквально «поезд мыслей» – появилось в эпоху развития железнодорожного транспорта. Но нет. Автор его – английский философ Томас Гоббс, и сформулировал он это выражение в 1651 году, более чем за столетие до того, как была проложена первая железная дорога.

¹⁷ Jacob Needleman, *The Heart of Philosophy* (San Francisco: Harper & Row, 1982), 7.

Несколько недель спустя я сидел перед автором этой удивительной, волнующей фразы. Джейкоб Нидлмен преподает философию в Университете Калифорнии в Сан-Франциско. С годами его походка замедлилась, голос задрезжал, кожа стала похожа на гофрированную бумагу, но ум остался безупречно ясным. Джейкоб всегда думает, прежде чем заговорить, и, в отличие от большинства преподавателей философии, изъясняется обычными человеческими словами, такими как «вопрос» и «жизнь». Но вот то, как он сочетает эти слова, – обычным никак не назовешь.

Мы сидим у Джейкоба на террасе с видом на Окленд-Хиллз, потягиваем чай с бергамотом и воду с лимоном, и я спрашиваю его, прячась за многословными формулировками: «Вы что, свихнулись? Вопросы можно задавать. Можно ставить. Можно, скажем, разрешать. Но не проживать же! Пусть даже и в Калифорнии».

Нидлмен молчит. Долго молчит. Так долго, что я начинаю думать, не задремал ли он. Наконец, востроенный, он начинает говорить – настолько тихо, что приходится придвигаться к нему поближе.

– Такое бывает, хотя и нечасто. Сократ проживал свои вопросы.

Ну конечно! Куда же без загадочного Сократа, святого покровителя философии, царя вопросов. Не Сократ изобрел вопросы как таковые, но именно он навсегда изменил и то, как их задают, и то, как на них отвечают. Именно Сократ изменил то, как вы мыслите и действуете, даже если вы ничего о нем не знаете.

А узнать о нем что-то нелегко, поскольку мы возвели Сократа на такой высокий пьедестал, что его на нем и видно-то еле-еле. Лишь точка где-то в высоте. Идея, и не особо внятная.

И очень жаль. Сократ – это не точка. Не идея. Это был человек. Человек, который дышал, ходил, испражнялся, совокуплялся, ковырял в носу, пил вино, рассказывал анекдоты.

Не красавец, кстати говоря. Его называли самым уродливым человеком в Афинах. Широкий плоский нос, мясистые губы, толстое брюхо. Лысый. Своими широко расставленными и выпученными, как у рака, глазами он особенно хорошо видел происходящее вокруг. Неизвестно, знал ли Сократ больше любого другого афинянина (сам он утверждал, что не знает ничего), но видел точно больше других.

Ел Сократ мало, мылся редко, всегда носил одни и те же потрепанные одежды. Даже в зимние холода расхаживал босым, походку имел странную – не то утиную, не то барскую. Мог сутками напролет не спать, умел пить не пьянея. Слышал голоса, а точнее, голос. Он называл его своим *демоном*. «Началось у меня это с детства, – пояснял Сократ на суде, когда его обвинили в нечестивости и развращении афинской молодежи. – Вдруг – какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет».

В общем, вид и поведение Сократа сделали его в глазах окружающих существом не от мира сего. «Он словно вступил в “великую беседу”, которую ведет между собой человечество, извне, будто с другой планеты»¹⁸, – сказал о нем современный философ Питер Крифт.

Это, я думаю, применимо ко всем философам. Им свойственна инаковость. Даже Марк – римский император – чувствовал себя отщепенцем. Эталонным «философом со странностями» был основатель школы киников Диоген, который жил в бочке, публично мастурбировал и вообще всячески оскорблял чувства добропорядочных афинян.

И в такой инаковости (прилюдная мастурбация не в счет) есть смысл. Вся суть философии – в том, чтобы оспаривать данности, «раскачивать лодку». Капитан вряд ли станет раскачивать собственное судно: ему есть что терять. Другое дело философы. Они вне системы. Чужие.

---

¹⁸ Peter Kreeft, *Philosophy 101 by Socrates* (San Francisco: Ignatius Press, 2002), 25.

Сократ практиковал так называемую безумную мудрость¹⁹. Это понятие встречается в разных традициях – от тибетского буддизма до христианства; в основе его мысль о том, что путь к мудрости не бывает прямым. Придется свернуть то влево, то вправо, прежде чем доберемся до нее.

Безумная мудрость означает отказ от социальных норм и может повлечь за собой остракизм, а то и хуже – последователей. Это древнейшая шоковая терапия. Никто не любит, когда его шокируют, и безумных мудрецов мы чаще считаем скорее безумными, нежели мудрыми. Вот как Сократа описывает его ученик Алкивиад: «На языке у него вечно какие-то выючные ослы, кузнецы, сапожники и дубильщики, и кажется, что говорит он всегда одними и теми же словами одно и то же, и поэтому всякий неопытный и недалекий человек готов поднять его речи на смех». Однако, по словам Алкивиада, стоит хоть немного внимательно послушать Сократа, и поймешь, что его слова исполнены смысла. «Речи эти божественны», – добавляет он.

* * *

Подливая себе чай с бергамотом, Джейкоб Нидлмен рассказывает о том, как прожил свой первый вопрос. Он прекрасно помнит этот эпизод. Джейкобу было одиннадцать. Вместе с приятелем Элиасом Бархордяном он сидел на низкой каменной стене в своем родном пригороде Филадельфии: там они встречались по несколько раз в неделю, даже если стена была покрыта снегом или обрастала льдом.

Элиас, на год старше Джейкоба, с «широким круглым лицом и ясными темными глазами»²⁰, был высок для своего возраста. Мальчишки обсуждали сложные научные вопросы, касающиеся всего на свете, – от движения электронов до природы снов. Вопросы эти никогда не оставляли Джейкоба равнодушным, но в тот день Элиас спросил кое-что особенное: «Кто создал Бога?»

Джейкоб вспоминает, как «установился на широкий гладкий лоб Элиаса, словно пытаюсь заглянуть ему в мозг», и как понял, что «своим вопросом он озадачил не только меня, но и всю вселенную. Меня посетило невероятное ощущение свободы. И я помню, как сказал себе: “Этот парень – мой лучший друг”»²¹.

Джейкоба Нидлмена захватила радость задавать – и проживать – важные вопросы.

История Сократа похожа на эту. Само собой, декорации будут другие – афинские, а не филадельфийские трущобы, – но фабула та же. Человек получил импульс к движению в новом, неожиданном направлении, и получил его от друга. У Сократа таким другом был юноша по имени Херефон. Как-то раз Херефон явился к Дельфийскому оракулу и задал ему вопрос:

– Есть ли в Афинах кто-либо мудрее Сократа?

– Нет, – был ответ, – никого мудрее нет.

Когда Херефон передал эти слова Сократу, тот был поражен. Нет никого мудрее, чем он? Как такое возможно? Он же простой сын каменщика, он ничего не знает. Однако оракулы никогда не ошибаются, так что Сократ решил изучить вопрос. Пообщавшись с высокопоставленными афинянами, от поэтов до военачальников, он вскоре понял, что эти люди далеко не так мудры, как о себе полагают. Военачальник не смог объяснить ему, что такое храбрость,

---

¹⁹ Пожалуй, самым известным из тех, кто этим занимался, можно назвать буддийского монаха XV века по имени Друкпа Кюнле. Свой член он называл «вспышкой сияющей мудрости». Именно он, как говорят, первым в Бутане начал рисовать на домах фаллосы, чтобы отогнать злых духов. Что не теряет популярности и сегодня.

²⁰ Needleman, *The Heart of Philosophy*, 153.

²¹ Там же, 153.

поэт – определить поэзию. Куда бы Сократ ни обращался, всюду ему встречались люди, «не знающие того, что они не знают».

«Быть может, оракул был прав», – заключил Сократ. Быть может, он и впрямь обладал некой мудростью: мудростью знать, что он не знает. Худшим невежеством Сократ считал то, которое маскируется под знание. Лучше честное, открытое незнание, чем узколобое, подозрительное знание.

Так и появилось это невинное неведение, эта, по выражению философа Карла Ясперса, «удивительная новая наивность»²², ставшая главным ответом Сократа на вопросы человечества. Она и сегодня является одной из движущих сил философской мысли.

Сократ не был первым философом. До него уже были Пифагор, Парменид, Демокрит, Фалес и многие другие. Их взор был обращен ввысь. Они хотели объяснить космос, проникнуть в тайны природного мира. Результаты были неидеальны: так, блестящий во многих отношениях ученый Фалес был убежден, что вся материя во Вселенной состоит из воды. Подобно Сократу, его предшественники задавали вопросы, но это были в основном вопросы «что» и «почему». Что является материалом, из которого все сделано? Почему звезды не видны днем?

Сократа такие вопросы не интересовали. Он думал, что ответить на них невозможно, да в конце концов это и не так важно. Вполне вероятно, что Вселенная удивительна, но какой из нее собеседник? А именно к разговорам был в наибольшей мере склонен Сократ.

«Каждый вопрос свидетельствует об отчаянном усилии постичь мир»²³, – сказал ученый-астрофизик Карл Саган. Сократ бы согласился – но не вполне. Любой вопрос свидетельствует об отчаянном усилии постичь самого себя. Сократа интересовали «как»-вопросы. Как сделать свою жизнь счастливее и осмысленнее? Как жить по справедливости? Как познать самого себя?

Сократ не мог постичь, почему афиняне с их жадной перемен к лучшему (будь то в скульптуре или демократическом правлении) не слишком интересуются этими вопросами. Ему казалось, что они готовы усердно трудиться, совершенствуя что угодно, но только не самих себя. По мнению Сократа, нужно это изменить, что и стало целью его жизни.

Этим ознаменовался важнейший сдвиг в развитии философии – она перестала быть лишь туманными рассуждениями о космосе. Теперь это стало учением о жизни, вашей жизни, и о том, как ее стоит прожить. Учение практическое и абсолютно необходимое. Говоря словами римского политика и философа Цицерона, «Сократ первый спустил философию с небес, поселил в городах, впустил в дома»²⁴.

Он вел себя не так, как мы привыкли думать о философах. Последователи были ему безразличны. (Но если его спрашивали о других философах, Сократ с удовольствием их рекомендовал.) Он не оставил потомкам свода знаний, теорий или учений, не написал увесистых томов. И вообще ни единого слова не написал. Сегодня мы знаем о Сократе из нескольких античных источников, в основном от его ученика Платона.

Нет «сократовских идей», лишь сократовская мысль. Ему были важны средства, а не цели. Сегодня мы помним «афинского овода» не за то, что он знал, но за то, как он работал с этим знанием. Его интересовали скорее методы, чем знания. Знание – скоропортящийся продукт, методы же могут долго не устаревать.

Ученые придумали много красивых названий для метода Сократа: диалектика, эленхия, индуктивное умозаключение. Я предпочитаю более простой вариант: разговор. Понимаю, это звучит неинтересно и вряд ли такое утверждение принесет мне Нобелевскую премию, но это правда. Сократ разговаривал с людьми. Современный философ Роберт Соломон назвал это

---

²² Karl Jaspers, *The Great Philosophers* (New York: Harcourt, Brace, 1957), 31.

²³ Carl Sagan, *The Demon-Haunted World: Science as a Cradle in the Dark* (New York: Ballantine, 1996), 323.

²⁴ Цит. по: Paul Johnson, *Socrates: A Man for Our Times* (New York: Penguin, 2002), 81–82.

«просветленным битьем баклуш»²⁵. Замечательно, не правда ли? Вот он, очень реалистичный, но при этом возвышенный взгляд на философию.

Изучать жизнь лучше на расстоянии: нужно как бы отступить на шаг от самих себя, чтобы четче увидеть. Лучший способ добиться нужной перспективы – разговор. Для Сократа философия и беседа были в сущности одним и тем же.

Он разговаривал с людьми очень непохожими: политиками, военачальниками, ремесленниками, а также женщинами, рабами и детьми. Беседовал на самые разные темы – но только важные. Пустой болтовней Сократ не интересовался. Жизнь коротка, знал он, и не стоит тратить ни секунды на чепуху. «Мои слова, пожалуйста, не принимай в шутку! – страстно увещал он софиста Калликла. – Ведь ты видишь, беседа у нас идет о том, над чем и недалекий человек серьезно бы призадумался: как надо жить?»

При всей любви к разговорам Сократ, мне кажется, считал их лишь одним из своих инструментов. Цель у этого «просветленного бродяги» была одна: познать себя. Разговаривая с другими, он учился беседовать с самим собой.

* * *

Можно сказать, что философия – это искусство задавать вопросы. Однако что такое вопрос? (Этот вопрос Сократу бы точно понравился!) Берем всем известное слово – то есть якобы всем известное – и изучаем его, прощупываем, рассматриваем под разными углами. Проливаем на него яркий, беспощадный свет.

С тех пор как по извилистым грязным улочкам Афин бродил босоногий философ и задавал вопросы, прошло около 24 веков. Прогресс все это время не стоял на месте: появились современная сантехника, миндальное молоко, мобильная связь и интернет. Чтобы отточить определения, у нас было почти две с половиной тысячи лет. И мы неплохо справляемся, судя по тому, что в третьем издании словаря Уэбстера почти полмиллиона статей. И нам даже не нужно листать страницы, печатные или цифровые, чтобы найти нужное слово. К нашим услугам всегда верная помощница – Сири.

- Привет, Сири.
- Привет, Эрик.
- У меня есть вопрос.
- Спрашивайте – и получите ответ.
- Что такое вопрос?
- Интересный вопрос, Эрик.

И тишина. Молчит. Я встряхиваю телефон. Ничего. Сири явно думает, что я пытаюсь сбить с толку ее алгоритмы, и не в восторге от этой идеи. Попробую сказать точнее.

- Сири, каково определение вопроса?
- Предложение, сформулированное или выраженное как запрос на информацию.

В принципе, вполне точно, но удручающе неполно. Сократ остался бы недоволен. Он обожал определения. Ответ Сири показался бы ему одновременно слишком размытым и слишком узким. С точки зрения Сири, «Не видел мои ключи?» и «В чем смысл жизни?» – вопросы одного плана. Цель обоих – получить информацию; на оба бывает трудно ответить, по крайней мере у меня дома; но информация, запрашиваемая ими, совершенно разного рода. Чем масштабнее вопрос, тем менее интересен нам чисто информативный ответ. Что такое любовь? Почему существует зло? Задавая такие вопросы, мы претендуем не на информацию, но на нечто большее: на смысл.

---

²⁵ Solomon, The Joy of Philosophy, 14.

Вопросы не носят односторонний характер: они движутся (как минимум) в двух направлениях, взысывая смысл и одновременно его сообщая. Задать другу правильный вопрос в правильное время – это проявление сочувствия, любви. Но чаще, чем хотелось бы, наши вопросы ранят другого («Кто ты вообще такой?») или самого себя («Почему я вечно все делаю не так?»). Мы находим в вопросах отговорки («Да кому какая разница?»), а потом и оправдания («Что я еще мог сделать?»). Настоящее зеркало души – это не глаза, это вопросы. Как сказал Вольтер, судить о человеке лучше не по его ответам, а по вопросам, которые он задает.

Ответ Сири не отражает и капли волшебства, содержащегося в любом хорошем вопросе, вроде того, который имел в виду Сократ, говоря: «Любая философия начинается с изумления»²⁶. По Сократу, способность изумляться, испытывать интерес не врожденная, подобно светлым волосам или веснушкам. Это навык, и любой из нас может его освоить. Сократ хотел нас этому научить.

Слово «интерес» происходит от латинского *inter esse* – «быть между, внутри». На первом уровне «интересоваться» значит искать информацию, как делает Сири: «Интересно, где бы купить темный шоколад?» На втором – это значит не гнаться за быстрым ответом, замереть хотя бы на мгновение и просто поразмышлять: «Интересно, что такого в хорошем бельгийском шоколаде с морской солью и миндалем, что от него мой мозг словно начинает танцевать, а сердце – петь?»

Ставя вопрос, мы ограничиваем себя рамками определенной темы. Все выходящее за эти рамки считается незначительным и поэтому отвергается. Представьте себе адвоката, которого судья упрекает в «не относящихся к делу» вопросах к свидетелю, или студента, по мнению преподавателя «ушедшего от темы».

Интерес же открыт, готов к новому. Именно умение интересоваться делает нас людьми. И это верно с тех самых пор, когда первый пещерный человек поинтересовался, что будет, если две палки потереть друг о друга. Или уронить себе на голову большой камень. Не узнаешь, пока не попробуешь; не попробуешь, пока не заинтересуешься.

Часто мы путаем интерес с любопытством. В принципе, и то и другое – ценное средство от апатии, но действуют они по-разному. Интерес в определенном смысле коренится в личности, а любопытство – нет. Можно любопытствовать без страсти. Можно без страсти задавать вопросы. Но интересоваться без страсти не получится. Любопытство пассивно: оно всегда готово погнаться за следующей блестящей штуковиной, которая попадется на глаза. Но интерес не спешит. Интерес – это любопытство, которое устроилось поудобнее, с бокалом в руке. Интерес не гонится за блестящим. Интересующимся не отрывали нос на базаре.

Интерес требует времени. С ним, как с хорошей едой или любовью, спешить не следует. Вот поэтому Сократ в своих беседах тоже никуда не спешил. Собеседник уже уставал и выдыхался, а Сократ невозмутимо продолжал.

Сократ был эдакий первый психотерапевт. На вопрос он стремился ответить другим вопросом. Но в отличие от психотерапевта Сократ не брал оплату по часам (и вообще за все свои беседы ни разу не взял ни драхмы), от него никто не слышал фразы вроде «Боюсь, на сегодня наше время подошло к концу». Время у него было всегда.

Даже в одиночестве Сократ всегда медлил – так рассказывал о нем друг в «Пире»: «Такая уж у него привычка – отойдет куда-нибудь в сторонку и станет там». Другой знакомый вспоминает еще более странный эпизод, произошедший, когда они с Сократом были солдатами в битве при Потидее.

Как-то утром он о чем-то задумался и, погрузившись в свои мысли, застыл на месте, и, так как дело у него не шло на лад, он не прекращал своих поисков и все стоял и стоял. Наступил уже полдень, и люди, которым это

---

²⁶ Много веков спустя Ральф Уолдо Эмерсон совершенно справедливо добавил: «Интерес – это семена науки».

бросалось в глаза, удивленно говорили друг другу, что Сократ с самого утра стоит на одном месте и о чем-то раздумывает. Наконец вечером, уже поужинав, некоторые ионийцы – дело было летом – вынесли свои подстилки на воздух, чтобы поспать в прохладе и заодно понаблюдать за Сократом, будет ли он стоять на том же месте и ночью. И оказалось, что он простоял там до рассвета и до восхода солнца, а потом, помолившись солнцу, ушел²⁷.

Хорошая философия никуда не спешит. Людвиг Витгенштейн называл свою профессию «медленным лечением» и предлагал философам приветствовать друг друга словами «Не торопись!». Мне это кажется прекрасной идеей не только для философов, но и для всех нас. Вместо «Хорошего дня!» и прочих пустых фраз – почему бы не говорить при встрече «Не торопись!» или «Куда ты спешишь?». Если говорить такое достаточно часто, в конце концов мы, вероятно, и в самом деле сбавим темп.

В глубине души, думаю, мы уже понимаем, насколько для разума ценно не спешить. Если что-то вынуждает нас остановиться и подумать, мы говорим: «Дай мне минутку». Пауза – не ошибка и не признак того, что что-то идет не так, не заминка и не сбой в работе. В ней нет пустоты – есть своего рода скрытая материя. Зародыш мысли. Любая остановка содержит в себе возможность интереса – и изумления.

* * *

Очевидное мы редко подвергаем сомнению. По мнению Сократа, это ошибка. Чем более очевидным нам что-либо кажется, тем скорее следует поставить это под вопрос.

Скажем, я принимаю как данность вот что: я хочу быть хорошим отцом. Это настолько самоочевидно, что и упоминания лишний раз не стоит.

– Подожди-ка, – сказал бы Сократ. – Что ты понимаешь под словом «отец»? Понимаешь ли ты это слово в строго биологическом смысле?

– Хм. Нет. Вообще-то моя дочь приемная.

– Стало быть, отец – это больше чем биология?

– Да, безусловно.

– Что же тогда определяет отца?

– Отец – это человек, мужчина, который заботится о маленьком ребенке.

– Тогда я отправлюсь с твоей дочерью, скажем, в Дельфы на несколько часов: стану ли я ее отцом?

– Конечно, нет, Сократ. Отцовство – это гораздо больше.

– Что же тогда отличает взрослого мужчину, заботящегося о ребенке, от взрослого мужчины, достойного называться отцом?

– Любовь. Вот что делает отца отцом.

– Прекрасно. Этот ответ мне нравится. Конечно, придется дать определение еще и «любви», но это в следующий раз. Дальше: ты говоришь, что хочешь быть «хорошим» отцом, так?

– Да, да, безусловно да.

– А что, по-твоему, значит «хороший»?

Вот тут у меня ответа нет. На ум приходят лишь самые туманные формулировки – наброски, словно для мультфильмов: мороженое, походы на концерты, футбол, совместная работа по дому, школьные экскурсии. Надо подбодрить ее шутками, когда она печалится и

---

²⁷ Цит. по: James Miller, *Examined Lives: From Socrates to Nietzsche* (New York: Farrar, Straus & Giroux, 2011), 42.

даже если нет, подвести домой после ночевки у подружек. В общем, я *инь* (моя жена *ян*), эдакий хороший полицейский.

– Прекрасно звучит, – сказал бы Сократ, – но что служит здесь основой? Ты ведь, по сути, не знаешь, что имеешь в виду, говоря «хороший отец», не так ли?

И он последний раз проворачивает вонзенный в меня философский нож: и вот пока я не пойму – не пойму по-настоящему, – что для меня значит быть «хорошим отцом», я, скорее всего, не смогу стать таковым. До тех пор это все равно что гоняться за призраком.

Для Сократа любые злодеяния, вроде плохого отцовства, проистекают не из злого умысла, а из незнания. Пойми мы корень наших ошибок – не только ради детей, но и ради самих себя, – мы не совершили бы их. По-настоящему понимая суть той или иной добродетели, автоматически начинаешь добродетельно себя вести. Знать, по-настоящему знать, что такое быть хорошим отцом, – значит быть им.

Как-то раз по заданию школы надо было привести ребенка на работу. Я всегда заранее боюсь таких дней. Другие родители приводят детей в солидные, сияющие чистотой офисы с переговорными комнатами, колл-центрами – рабочие места класса люкс. Мой офис (то есть один из них) – это местная забегаловка под названием *Tastee*. Еда, вопреки названию, здесь не особо вкусная, но зато широкие сиденья, приветливые официантки и кофе в неограниченных количествах. В этом году моя дочь впервые согласилась составить мне компанию.

Как найти путь к сердцу тринадцатилетки? На этот вопрос еще не ответили даже выдающиеся умы мировой философии. Если в лесу рухнуло дерево, а ее приятели не запостили это в *снэпчате*, – считай, дерево не падало. Соня не интересовалась ни моей работой, ни философией и вообще, как казалось, ни чем-либо за пределами своего подросткового мирка. Я подзревал, что пойти со мной на работу в то утро она согласилась исключительно ради того, чтобы прогулять школу.

Мы вяло жевали принесенный завтрак (для меня горячий омлет, для нее блинчики с шоколадной крошкой), а я вглядывался в бездну, которой представлялись мне мои «родительские обязанности». Я чувствовал себя неуместным, хуже того – невидимым. Что бы сделал на моем месте Сократ?

Конечно, задавал бы вопросы. Я тогда как раз усиленно размышлял над одним из них, своего рода метавопросом: верна ли эта старая максима о том, что глупых вопросов не бывает? Я задал этот вопрос своей дочери, и еле заметным движением левой брови она дала понять: «Отец, ваш вопрос рассмотрен и сочтен недостойным ответа, я возвращаюсь к блинчикам и *снэпчату*».

Подобно Сократу, я настаивал.

– Скажи, бывают ли глупые вопросы? – повторил я громче.

Подняв голову от экрана, она на мгновение задумалась. По крайней мере, мне показалось, что она думает. А потом, к моему изумлению, заговорила.

– Да, – сказала моя дочь. – Глупый вопрос – это когда ты уже знаешь на него ответ.

И вновь вернулась к блинчикам, телефону и задетому подростковому самолюбию.

Она удивила меня – не в первый и не в последний раз. Соня была права. Если только вы не прокурор, задавать вопрос, на который уже знаете ответ, – это действительно глупо. И мы делаем так куда чаще, чем может показаться, и самыми разными способами. Иногда задаем вопрос, чтобы продемонстрировать свои познания или чтобы получить информацию, подкрепляющую уже имеющееся у нас предположение.

Сократ не счел бы подобные вопросы серьезными. Серьезный вопрос – это как выход в незнакомые воды. Серьезный вопрос сопряжен с риском, словно вы зажигаете спичку в темной комнате. Что вы увидите, когда вспыхнет спичка, неизвестно – может, чудовищ, а может, чудеса, но вы все же чиркаете спичкой. Вот поэтому-то серьезные вопросы задаются не уверенным тоном, а неуклюже, нерешительно, ломающимся подростковым голосом.

Для Сократа задавать такие вопросы было самым важным делом, требующим настоящей храбрости.

* * *

Профессор Джейкоб Нидлмен подливает мне еще лимонада. Движения его медленны, но рука тверда. Кубики льда чуть звякают, ударяясь о стенки стакана. Вечерний калифорнийский свет стал мягче, цвета – насыщеннее, солнце опускается все ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.